

М.Е. Соколов

**Былины, исторические,
военные, разбойничьи и
воровские песни, записанные
в Саратовской губернии**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.Е. Соколов**
Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии / М.Е. Соколов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 45 с.

ISBN 978-5-458-01933-0

ISBN 978-5-458-01933-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почти всѣ отпечатанныя въ этой брошюрѣ пѣсни записаны М. Соколовымъ въ саратовской губерніи,— только двѣ пѣсни,—и притомъ не саратовскаго происхожденія—сообщены другими лицами: В. А. Цѣпулинымъ (15-я) и Н. А. Разумовскимъ (25-я).

Собиратель предупреждаетъ читателей, что согласно принятой имъ орѳографіи онъ пишетъ: „Владимиръ, гостинный сынъ, казакъ, скатерти бранья, ростѣтъ,“—а потому просить не считать эти слова корректурными ошибками.

М. Е. Соколовъ.

Г. Петровскъ саратовской губерніи.
4 марта 1896 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни я встрѣтилъ въ великорусскихъ селахъ и деревняхъ; только одна пѣсня „Александръ первый и отечественная война“ записана мною отъ малорусса Давида Θεодоровича Помазанова, крестьянина слободы Елани аткарскаго уѣзда, — хотя эта пѣсня — несомнѣнно великорусскаго происхожденія, но въ нѣкоторыхъ словахъ ея нельзя не видѣть слѣдовъ малорусской рѣчи сказителя, напримѣръ: „зачимъ, будутъ, золоті.“ — Въ настоящее время вообще великорусскія пѣсни и особенно краткіе стихи „мотани“ распѣваются малоруссами и отчасти наоборотъ: малорусскія пѣсни — великоруссами; для саратовской губерніи это — заурядное явленіе. Такъ крестьянамъ села Камышинки петровскаго уѣзда извѣстна малорусская пѣсня: „Ты Маруся, ты Маруся, пшениченьку жала, ты Маруся, ты Маруся, больная лежала, — изъ-за моря зелья забажала;“ въ селѣ Бурлукѣ камышинскаго уѣзда я встрѣтилъ двѣ малорусскія пѣсни: „Пошлю жинцю на базаръ, самъ пиду въ поле орать“ и „Гопъ, гопъ, кума, не журишь, туды, сюды повернись, вотъ такечки шокомъ-бокомъ передъ янымъ моимъ окомъ.“ — Малоруссы не только охотно перенимаютъ великорусскія пѣсни, но даже свои собственныя новѣйшія пѣсни слагаютъ на общерусскомъ языкѣ, а не на малорусскомъ нарѣчій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я слышалъ отъ крестьянина слободы Рыбушки

саратовскаго уѣзда, Елезара Адриановича Карамышева двѣ сложенные имъ пѣсни объ освобожденіи крестьянъ при Александрѣ II; языкъ этихъ пѣсенъ обще-русскій съ небольшою примѣсью церковно-славянскихъ и малорусскихъ словъ, напримѣръ: „аще, горщокъ, маеть, увсѣ, усѣ, уставаль, хата.“

Въ рѣчи саратовскихъ малоруссовъ уже нѣтъ многихъ словъ, встрѣчающихся въ коренныхъ малорусскихъ губерніяхъ; онѣ замѣнены соответствующими обще-русскими. Замѣчательно, что малоруссы забываютъ именно тѣ слова, которыя ихъ предками были заннствованы отъ инородцевъ,—причина—понятна: подобные слова не имѣютъ корней въ малорусскомъ словарѣ. Въ настоящее время рѣчь малоруссовъ, живущихъ въ саратовской губерніи, настолько сблизилась съ обще-русской, что саратовско-малорусскій говоръ можно отнести къ числу великорусскихъ говоровъ, а не малорусскихъ. Саратовскіе малоруссы сами сознаютъ это, говоря, что они скорѣе поймутъ русскаго (великорусса), чѣмъ полтавскаго или кievскаго хохла. Объ украинофильскихъ книжонкахъ, въ родѣ произведеній Тараса Шевченко, малоруссы выражаются вполне презрительно: „ни по-русски, ни по-хохлацки.“

Сліяніе малоруссовъ съ великоруссами—отрадно и поучительно,—выводъ отсюда возможенъ только одинъ: всякое племя, поставленное въ одинаковыя условія съ саратовскими малоруссами, т. е. окруженное сплошнымъ великорусскимъ народонаселеніемъ, рано или поздно русѣеть,—таковъ, если хотите, этнографическій законъ. Въ силу этого закона польскія племена вятичей и радимичей растворились въ русскомъ морѣ, обрусѣли мордва, чувашы, мещеряки и отчасти армяне (напримѣръ нахичеванскіе, извѣстные подъ именемъ армянскихъ хохловъ) и саратовскіе татары (въ саратовско-татарскомъ говорѣ больше

русскихъ словъ, чѣмъ въ уфимско-татарскомъ или казанскомъ). Факты полного обрусѣнія инородцевъ на саратовской почвѣ можно видѣть напримѣръ въ селахъ: Переѣздѣ и Краишевкѣ аткарскаго уѣзда; жители Переѣзда — потомки чувашъ; крестьяне Краишевки — обрусѣлые мещеряки; краишевцы образовали особую разновидность русскаго племени и извѣстны подъ именемъ рычей или цукановъ, — впрочемъ скоро исчезнуть послѣдніе слѣды инородческаго происхожденія рычей. Руководясь тѣмъ же этнографическимъ закономъ, старо-русскіе и старо-московскіе великіе князья, напримѣръ: Владимиръ Святой, Ярославъ Владимировичъ, Іоаннъ III и Василій Іоанновичъ прибѣгали къ переселеніямъ русскихъ племенъ одного на мѣсто другого. Признавая возможность и даже неизбежность сліянія всѣхъ русскихъ племенъ въ обще-русскомъ единствѣ и восхваляя политику старо-русскихъ и старо-московскихъ великихъ князей-обрусителей, я рѣзко расхожусь по данному вопросу съ славянофиломъ М. Кояловичемъ, который думалъ какъ разъ наоборотъ, что и не удивительно: славянофилы никогда не были послѣдовательными русскими націоналистами.

Въ великорусскомъ населеніи саратовской губерніи можно различать три разновидности: окающихъ великоруссовъ, великоруссовъ, акающихъ по-московски и великоруссовъ, акающихъ по-рязански. Всѣ помѣщенные въ этой брошюрѣ пѣсни принадлежатъ южно-великоруссамъ, акающимъ по-московски. Для ознакомленія съ этимъ говоромъ приведены фонетическія записи нѣкоторыхъ пѣсенъ (3-я, 6-я, 16-я, 18-я, 19-я и 23-я).

Не могу не указать на сходство южно-великорусскаго говора и малорусскаго нарѣчія. Обще-русская, южно-великорусская и малорусская фонетика: 1) обще-русское *ѣ* переходитъ у южно-великоруссовъ и малоруссовъ въ однихъ и тѣхъ же слогахъ въ *и*, — напримѣръ: обще-

русск. „бѣжить, дѣвчѣнка, рѣка, сѣдло, стрѣла“ южно-великорусск. „бижить, дивчѣнка, рика, сидло, сидельце, стрила“ = малорусск. „бижить, дивчина, дивчата, рика, ричка, сидло, сидельце, стрила;“ 2) обще-русск. *ѳ* = южно-великорусск. и малорусск. *и*, — на примѣръ: обще-русск. „ведро, ведѣрко, жена, жѣнка“ = южно-великорусск. „видѣрка, жинѣ“ (дательный падежь) - малорусск. „видро, видерце, жинка, жинкѣ“ (множ. число); 3) обще-русск. *ѳ* = южно-великорусск. *и*, *и* — малорусск. *и*, — на примѣръ: обще-русск. „вихорь, поймали, позволъ“ = южно-великорусск. „вихирь, вихирю, пымали, пызволъ“ сравн. малорусск. „винѣ, вилѣ, кинѣ, пѣймалы“; 4) обще-русск. *ѳ* южно-великорусск. и малорусск. *з*, — на примѣръ обще-русск. „въ лугахъ, въ дорогѣ“ = южно-великорусск. „въ лузяхъ, во лузяхъ“ сравнит. малорусск. „у лузи, у дорози;“ 5) обще-русск. *з* = южно-великорусск. и малорусск. *ж*, — на примѣръ: обще-русск. „дразнить, роза“ = малорусск. „дражнити, рожа“ сравн. южно-великорусск. „дружья“; 6) обще-русск. *ж* = южно-великорусск. и малорусск. *ц*, — на примѣръ обще-русск. „бурлаку, собакѣ“ = малорусск. „бурлаци, собаки“, сравнит. южно-великорусск. „при головци“; 7) обще-русск. *с* = южно-великорусск. и малорусск. *з*, — на примѣръ: обще-русск. „сѣ, сбить, срадоваться“ = малорусск. „зѣ, збити, зрадуватись“ = южно-великорусск. „збить, зрадовацца, зрадовалася“. Южно-великорусское аканье и и малорусское оканье обыкновенно считаются существенными отличіями южно-великорусскаго говора отъ малорусскаго нарѣчія; вполне неосновательное мнѣніе: зачатки аканья можно встрѣтить въ малорусскомъ нарѣчьи, а случаи оканья можно наблюдать въ южно-великорусскомъ говорѣ. Примѣры: 1) малорусск. „багато, багатый, забажать, можна“ вмѣсто „богато, богатый, забожать, можна“; 2) южно-великорусск. „кѣтюцца, тѣцить, не утѣйте“ вмѣсто „катыця, тащить, не утайте“. Вообще причина аканья фізіологическая: естественная близость звуковъ *о* и *а*, —

вотъ почему акаѣе свойственно многимъ языкамъ на известной ступени развитія. Если сравнить старо-греческій и ново-греческій языки, то первый можно назвать окающимъ, а второй—акающимъ. Примѣры: старо-греческ. элавоменъ, элавонъ, эломенъ, элѳонъ = ново-греческ. элаваменъ, элаванъ, эламенъ, эланъ. Сравненіе обще-русскаго, южно-великорусскаго и малорусскаго словарей: обще-русс. гдѣ, сильный, сильно, каждый (церковно-славянское кійждо), лужа, ладить, мать, луна, кровь, полотноце, кто, никто, сапожникъ = южно-великорусс. де, дюжій, дюже, кажній, калужина, лагодить, мати, мѣсяць, руда, рушникъ, хто, ниhto, чибатарь = малорусс. де, дужій, дуже, кожный, калюжа, лагодити, маты, мисяць, руда, рушникъ, хто, ниhto, чоботарь. Выводъ изъ сравненія обще-русской, южно-великорусской и малорусской фонетики, обще-русскаго, южно-великорусскаго и малорусскаго словарей: если сравнивать малорусскую рѣчь съ обще-русскою (литературною), то можно говорить о малорусскомъ нарѣчїи,—если же непосредственно сравнить малорусскую рѣчь съ южно-великорусскою, то нельзя говорить не только о малорусскомъ языкѣ, но и о малорусскомъ нарѣчїи,—можно будетъ признать существованіе только малорусскаго говора.

Въ моемъ спискѣ южно-великорусскихъ словъ намѣренно приведены именно такія, которыя встрѣчаются почти во всѣхъ южно-великорусскихъ губерніяхъ, т. е. не заимствованныя отъ малоруссовъ. Въ частности же въ томъ или другомъ селѣ, сосѣдствующемъ съ малоруссами, бываютъ и заимствованія изъ малорусскаго словаря, напри- мѣръ: заробитки, хлопчикъ (село Бурлукъ камышинскаго уѣзда), гарно (село Гнилуши того же уѣзда). Въ одной старинной плясовой пѣснѣ, записанной мною въ деревнѣ Сосновкѣ петровскаго уѣзда, встрѣчаются слова: испытаетъ (спросить), побачить, хата, чилавѣкъ (мужь), якъ;

сходство этихъ словъ съ соотвѣтствующими малорусскими: бачити, побачити, спытати, хата, чоловикъ, якъ, — внѣ всякаго сомнѣнія, — но такъ какъ у меня нѣтъ подъ руками вариантовъ этой пѣсни изъ другихъ южно-великорусскихъ губерній, то въ данномъ случаѣ не могу рѣшить, что это: заимствованье или остатокъ еще большаго старобытнаго сродства южно-великорусскаго говора съ малорусскимъ нарѣчьемъ?! — Во всякомъ случаѣ старо-московскій говоръ (разновидность южно-великорусскаго) былъ еще болѣе сходенъ съ малорусскимъ нарѣчьемъ, чѣмъ современный южно-великорусскій, — такъ въ старо-московскомъ письменномъ языкѣ мы встрѣчаемъ слова: батогъ, веселіе (свадьба), калита (мѣшокъ), кожухъ — малорусск. батигъ, весилія, калита, калиточка, кожухъ. Выводъ: южно-великоруссы и малоруссы вышли изъ первобытнаго единства и, благодаря счастливому повороту исторической жизни, къ нему и возвращаются, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (поволжскихъ, донской области) уже возвратились.

Близость къ малорусской рѣчи сѣверно-великорусской и бѣлорусской давно уже доказана: даже крайнофиль Н. Костомаровъ считалъ сѣверно-великоруссовъ (новгородское племя) малоруссами, силящимися говорить по великорусски; — бѣлорусское нарѣчье нѣкоторыми даже относится къ числу малорусскихъ говоровъ.

Общее заключеніе о степени родства великорусской, малорусской и бѣлорусской рѣчи: если сравнить областную рѣчь съ обще-русскою (литературною), то можно говорить о русскихъ нарѣчьяхъ, — если же сравнить эти нарѣчья непосредственно другъ съ другомъ, то у насъ не будетъ нарѣчій, а только говоры: великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій. Теперь уже легко понять происхожденіе убѣжденнаго крайнофильства: крайнофильство-недомыслие или софизмъ, — крайнофилы ошибочно ото-

жествили обще-русскую рѣчь съ великорусскою и изъ различія малорусской и обще-русской рѣчи сдѣлали заключеніе о существенномъ отличіи малорусской рѣчи отъ областной великорусской.

Источникомъ многихъ заблужденій было смѣшеніе понятій: племя и національность (нація), областная рѣчь и языкъ. Племя образуется безсознательно, механически, оно склонно къ разъединенію и раздробленію на части; національность создается сознательно, она всегда стремится къ единству. Русская національность подобно французской и англійской—смѣшаннаго происхожденія: религія, единство княжеской династіи, экономическія условія страны, политическая мудрость великихъ князей и православнаго духовенства слили въ одно національное цѣлое старо-руссовъ, поляковъ (вятичей и радимичей), литовцевъ, финновъ и тюрковъ. Для національнаго единства, какъ оказывается, совсѣмъ не нужно этнографическое единство, а потому, напримѣръ, если-бы малоруссы такъ же отличались отъ великоруссовъ, какъ негры отъ шведовъ, то и въ этомъ случаѣ не могло бы быть рѣчи о малорусской народности, такъ какъ малоруссы вмѣстѣ съ великоруссами и бѣлоруссами составляютъ одну историческую національность.

Областная рѣчь такъ же относится къ книжному языку, какъ племя къ національности: областною рѣчью говоритъ племя, языкомъ—національность; въ областной рѣчи нѣтъ единства и устойчивости, она постоянно дробится на говоры и подговоры; дѣло доходитъ до того, что въ одномъ и томъ же селѣ или слободѣ на различныхъ улицахъ говорятъ не одинаково,—отъ одного и того же крестьянина или крестьянки можно слышать „жана и жана, рика и ряка, систра и сястра, стрила и стряла“. Языкъ сообщаетъ человѣческой рѣчи устойчивость и подчиняетъ ее грамматическимъ правиламъ,—такъ какъ въ

VIII

областной рѣчи нѣтъ. словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій, то человѣческій разумъ, создающій языкъ, изобрѣтаетъ новыя слова изъ туземныхъ корней или заимствуетъ ихъ изъ другихъ историческихъ языковъ; какъ въ образованіи національности, такъ и въ образованіи языка участвуетъ также индивидуальный умъ. Русскій литературный языкъ обяванъ своимъ происхожденіемъ взаимодѣйствию церковно-славянскаго языка, русскихъ говоровъ и отчасти инородческихъ языковъ,—благодаря этому обстоятельству, онъ отличается обиліемъ синонимовъ и ужь конечно народные говоры бѣднѣ его. Примѣры: глава, оглавленіе (церковно-слав.), голова (обще-русс.), гражданинъ (церков.-слав.), горожанинъ (обще-русс.), перстень (церковно-слав.), кольцо (обще-русс.), страна (церковно-слав.), сторона (обще-русс.), сорочка (малорусс.), рубашка (великорусс.).—Теперь послѣ разъясненія понятій: „областная рѣчь и языкъ“ легко установить правильный взглядъ на малорусскій литературный или—точнѣе сказать—украинофильскій языкъ. Существованіе подобнаго языка не оправдывается ни исторіей, ни этнографіей: малорусская національность не говоритъ по-украинофильски, потому что подобной національности нѣтъ и никогда не было,—малорусскіе крестьяне не знакомы ни съ малорусскимъ языкомъ, ни съ малорусскимъ нарѣчіемъ, потому что въ дѣйствительности существуютъ только малорусскіе говоры и подговоры. Чуждый малоруссамъ украинофильскій языкъ по своей бесполезности и искусственности отчасти напоминаетъ офенскій языкъ и тарабарскій.

Въ виду національнаго и этнографическаго единства русскихъ племенъ всякаго рода русскій сепаратизмъ: малорусскій, бѣлорусскій, сибирскій и т. п. не имѣетъ смысла и разумнаго основанія. На Руси наиболѣе силы имѣлъ украинофильскій сепаратизмъ.—теперь украинофильство значительно ослабѣло. За исключеніемъ небольшого ко-